

говорит, что открыл (уточнил, исследовал) в истории такой-то факт, то он и рекомендует себя как историка. Но любой роман мы ведь оцениваем совсем по другим критериям. Самое главное — есть ли современные мысли, проблемы? Дает ли книга ответ на вопросы сегодняшнего дня, позволяет ли заглянуть в будущее?

Нужно ли доказывать, что современность не в теме, не в описываемых событиях, а в мыслях, эмоциях? Что же касается понятия «исторический роман», то, на мой взгляд, это прежде всего форма. Что-то лучше всего

могал осмыслить современное. По крайней мере к этому я стремился.

Почему Дальний Восток навсегда завладел моими книгами? Отчасти потому, что там прошла моя юность, началась зрелость. Впечатления молодых лет всегда самые яркие. Но главное, наверное, все-таки в другом. Первые поселенцы этих благодатных краев — люди исключительные. Дойти сюда через всю Россию, Сибирь было не под силу авантюристам, слабым духом.

Здесь, на берегах Амура, собирались люди самых разных национальностей. Жить в

гражданской войне. Для исполнения такой задачи этот материал воистину бесценен. Есть и другая причина моего нового увлечения. Когда заканчиваешь очередной роман, необходимо переключиться. Замечали, оперные артисты любят ходить в цирк, в оперетту, а моряки — кататься верхом? Раньше я паузу между романами заполнял переводами, сейчас мне помогла литзапись.

— Николай Павлович, ваши романы, написанные несколько десятилетий назад, сегодня обрели особую актуальность в связи с гегемонистскими притязаниями Китая. Я имею в виду прежде всего «Амур-батюшку» и трилогию о Невельском. Показывая историю создания наших дальневосточных границ, возникновения трудового братства русского и китайского народов, освоения, заселения этих мест, вы тем самым успешно разоблачаете ложь сегодняшней китайской пропаганды. Вот ведь странная штука. Иное произведение написано, казалось бы, прямо по социальному заказу, как отклик на важнейшее событие, но устаревает мгновенно. Другое же, напротив — вроде и намена в нем нет на актуальность, но оказывается, что оно написано как раз на злобу дня.

— Когда пишешь книгу, в особенности если это, как принято теперь говорить, политический роман, соблюсти все требования дня очень велик. Но соображения сиюминутной полезности или вредности могут заслонить историческую перспективу, отвлечь в сторону. Спасение от этого (не открою никаких Америк) — всегда писать только правду. И чем глубже удастся ее раскрыть, тем дольше книга сохранит злободневность, тем дольше будет актуальной ее гражданская позиция. Словом, социальный заказ всегда один — писать правду. Делать это подчас непросто. В романе «Большие плаванья», над которым сейчас работаю, я рассказываю об эпохе, когда на Дальнем Востоке западные колониальные страны вели жестокие грабительские войны. Это одна сторона, определяющая характер периода. В то же время пробуждались и развивались извечно свойственные человеку чувства гуманизма, протеста против насилия. Даже в народах тех стран, которые приносили неволю, были гуманисты и борцы против порабощения. И все это я также обязан показать.

Народы сближались и познавали друг друга. В зародыше пробуждалось то, что в наше время выросло во всемирную дружбу прогрессивных людей. Эта дружба была продемонстрирована на XXVI съезде КПСС, с трибуны которого выступали представители разных стран и континентов, объединенные стремлением сделать все, чтобы отстоять мир на земле.

Беседу вел Г. ЦЕЛМС,  
соб. корр. «ЛГ»

## В ГОСТЯХ У ПИСАТЕЛЯ

# 2207 Николай ЗАДОРНОВ: МЕСТО ДЕЙСТВИЯ — ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Имя Николай Задорнов давно известно широкому кругу читателей. Многократно переиздавались его первый роман «Амур-батюшка», романы «Дальний край», «К океану», книги трилогии о капитане Невельском выдержали более 10 изданий. А недавно в свет вышел шеститомный произведений Н. Задорнова.

В свои 70 с небольшим лет писатель находится в полном расцвете творческих сил. И это не юбилейная фраза. Казалось бы, только-только прочли мы трилогию — «Цунами», «Симода», «Хэда» (два первых романа переведены в Японии), а в издательство «Советский писатель» уже сдан очередной роман «Гонконг» — об опийной войне в Китае. На рабочем же столе писателя — новал объемистая рукопись — главы романа «Большие плаванья». Автор хочет завершить все исторические события, запечатленные в предыдущих книгах, сегодняшними днями, современностью. Подводятся как бы итог сорокалетней писательской работы.

В творческой биографии писателя есть две «загадки». Первая: Н. Задорнов начинал свою рабочую жизнь журналистом, создал более 200 очерков о своих современниках и вдруг «заболел» историей. Почему? И вторая загадка: последние 35 лет писатель живет в Риге, активно участвует в общественной и литературной жизни республики, но пишет по-прежнему о международных событиях на Дальнем Востоке. Чем вызвана такая непреходящая любовь? С этих вопросов и началась наша беседа.

— Кажется, уже сегодня критики договорились наконец-таки до простой истины: абсурдно делить писателей на «деревенщиков» и «урбанистов». Есть надежда, что когда-нибудь уйдут в прошлое, понятия «исторический роман», «историческая тема». Лично я никогда не считал себя писателем, пишущим только об истории. Всегда надеялся, что я человек современный и пишу о современном. Разве что привлекала для этого соответствующий исторический материал.

Когда писатель с гордостью

сказать посредством комедии, что-то в форме рассказа, а какие-то мысли легче всего выразить на историческом материале.

Впрочем, любой писатель в какой-то мере историк. Жизнь движется необычайно быстро, и как бы ты ни гнался за днем текущим, пока выйдет книга, он уже станет достоянием истории. На Дальнем Востоке я ощутил это особенно остро.

С детства увлекаюсь рассказами о путешественниках, о первопроходцах, я, будучи журналистом, мечтал пройти по тропе Арсеньева. Но тропы Арсеньева уже не существовало. Потомки удгейцев и нанайцев, дети Дерсу Узала становились цивилизованными людьми — врачами, учителями, мореплавателями. И природа являла собой иную декорацию к иным событиям. Хотя минул вроде бы совсем небольшой срок, перемены были разительны. И мне захотелось немедленно, пока еще не поздно, запечатлеть уходящий день — последних из тех легендарных переселенцев, которые пришли в этот край, последних представителей старшего поколения местных народностей.

Одни исторические события потянули за собой другие. История Дальнего Востока чрезвычайно богата и мало известна, так что работы хватило на многие годы. Но повторяю: всякий раз мне нужен был лишь тот исторический материал, который давал возможность сказать нечто, как мне виделось, важное для современников, по-

этих местах воистину означало быть международником.

Открыв однажды этот удивительный мир, я всеми своими книгами старался поделиться открытием.

Именно эти места — почти не поднятая писательская целина. Если международные отношения нашего народа на юге и западе страны достаточно полно исследованы писателями, то восток почти не тронут.

Кстати сказать, Латвия во многом помогла мне в работе над романами о Дальнем Востоке. Жить среди другого народа, понимать его, дружить — это всегда хорошая школа интернациональных, международных отношений. А ведь именно эти отношения в центре моих романов.

— Храня верность Дальнему Востоку, вы тем не менее стали заслуженным деятелем культуры Латвийской ССР...

— Да, я возглавлял здесь секцию русских писателей, редактировал русский альманах, делал литературный перевод романа А. Упита «Прометей в тучах», некоторых его рассказов. Именно А. Упит первым открыл мне Латвию. А сейчас я заканчиваю литературную запись рассказов Я. Калнберзина, революционера и крупного партийного деятеля.

— Литературная запись? Право же, неожиданный для вас жанр?

— Жизнь Я. Калнберзина, его рассказы уникальны. Грех их не записать, не сохранить для потомков. Его жизнь учит мужеству, самоотверженному служению идее. Мне бы хотелось написать когда-нибудь роман о революционерах, о